

Журнал Министерства Народного Просвещения и последнее тридцатилетие XIX века

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ, кандидат филологических наук

1

Последнее тридцатилетие XIX века стало для России временем противоречивым. Мне возражат: эта «резиновая» формулировка может быть натянута на определение любой эпохи. Но всё-таки нечасто общественная мысль и глубоко связанная с нею судьба Просвещения подвергалась такому мощному влиянию с диаметрально противоположных идеологических позиций. Некогда почти монолитный костяк русского просвещённого общества раздирался на части, разрывался... Выдержать мощную сшибку могли лишь явления, отличающиеся невероятной жизнестойкостью. Головокружительные ритмы культурной жизни этой эпохи ощутимы в литературе того времени, образцы которой быстро становились классическими. Это было время больших реформ, время правления императора Александра II, время, когда социальные и культурные связи в обществе многократно усложнились. Время патриотического подъёма победной русско-турецкой войны и новых территориальных приобретений в Средней Азии; и время утверждения рыночной экономики, в течение нескольких десятилетий поставившей Россию в зависимость от финансовых центров мира. Время, когда закладывались катастрофические отношения, которые с неожиданной социологической точностью сформулирует Сергей Есенин в своей неоконченной ленинской поэме:

И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.

Рыночная идеология вторгалась и в педагогическую практику, делая нереальными мечты просветителей екатерининского и александровского (пушкинского) времени — мечты о внесловном образовании.

Но людьми конца XIX века были и Фёдор Достоевский, и Лев Толстой, и, скажем, дебютировавший в нашем журнале совсем молодым философ и поэт Владимир Соловьёв. Людьми последних десятилетий XIX века были и их читатели. В политике действовали энергичные и способные, хотя и не обладавшие петровской и косыгинской глубиной взгляда на судьбы России администраторы — министры финансов Бунге, Вышнеградский, Витте... Государственная идеология, в том числе и идеология просвещения, формировалась в острых, переходящих от теории к практике, спорах К.П. Победоносцева и Н.Г. Чёрнышевского, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева... В культуре и науке появлялось всё больше значительных имён; культурная жизнь заваривалась уже не вокруг одиночек-гениев и узких кружков рыцарей просвещения, а в лоне развитых национальных школ, осваивавших самые разные области человеческого знания. Всё-таки это была созидательная эпоха, эпоха труда. В рубрике «Правительственные распоряжения» «Журнал Министерства Народного Просвещения» опубликовал немало знаменательных документов: от высочайшего повеления «Об учреждении общества исследователей Западной Сибири» до многочисленных распоряжений по учреждению именных стипендий студентам. И хотя официоз (а именно к этому явлению, безусловно, относился и Журнал Министерства Народного Просвещения) постепенно выходил из моды, для Журнала это были годы интенсивной, насыщенной жизни. И авторам нашего журнала в те годы требовалась всё большая аудитория. И среди министров Народного Просвещения этого времени, и среди редакторов и авторов Журнала было немало личностей, достойных отдельного повествования. О них и об их эпохе и будет наш рассказ.

Предваряя повествование о событиях последних десятилетий века, ставшего для Европы веком революций, а для России веком предреволюционным, заметим, что нам не следует судить о деятельности политиков и администраторов по долгосрочным последствиям. В политической жизни перспективы меняются гораздо чаще, чем действительность, и смешно

читать о том, что революция 1917 года случилась из-за неподписания Александром III конституции Лорис-Меликова или что Брежнев отвечает за развал Советского Союза. После смерти Александра и Брежнева у нашей страны был богатый выбор путей развития. Очевидно, преемниками были выбраны гибельные пути, но каждый несёт ответственность за своё время. Так и люди интересующего нас тридцатилетия честно созидали для своей Родины, для её культуры. И тот страшный кризис, который испытала Россия в 1905–1922 гг., не на их совести.

Вынесенные нами в эпиграф экспрессивные рассуждения Толстого, написанные на заре новой, пореформенной России, отражают «центробежность» общества, сомневающегося в коренных вопросах Просвещения. Толстой определяет проблемы педагогики своего времени с исчерпывающей публицистической отвагой, присущей гениальному писателю. И Министерство Народного Просвещения, и Журнал Министерства с 1860-х годов существовали в условиях взаимовлияния и конкуренции с толстовской школой, с педагогическими сочинениями и проектами Льва Николаевича, формально остававшимися за пределами внимания Журнала, но влиявшими на его авторов с возрастающей силой. Не преувеличивая, можно сказать, что гигантская фигура Льва Николаевича Толстого стоит над всей русской педагогикой 1860–1900-х — и за этой фигурой огонь, вода и медные трубы мучительных метаморфоз, происходивших с воззрениями писателя.

2

Деятельность двух многолетних министров народного просвещения России — Д.А. Толстого и И.Д. Делянова — во многом определило и развитие наших образовательных учреждений в последнюю треть XIX века, и своеобразие министерского Журнала.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой был воспитанником Царскосельского лицея и с молодых лет на поприще государственной службы занимался образовательным направлением, а также проблемами церковной жизни и государственной безопасности. На протяжении многих лет он возглавлял Священный Синод, Министерства Народного Просвещения и Внутренних дел, оставаясь одним из наиболее влиятельных политических деятелей и администраторов Российской империи. Знаменательно, что с 1866-го по 1880-й Д.А. Толстой совмещал должности обер-прокурора Священного Синода и министра Народного Просвещения. Такое положение вещей символизировало единство государства, школы и церкви, уже вызывавшее активную критику в народнических, а порой и в либеральных кругах. Были у Дмитрия Андреевича и горячие сторонники, было и заслуженно уважительное отношение к нему в российском чиновничестве. За многие годы граф Толстой был вторым, после адмирала Путятина, всероссийски известным политиком, возглавившим Министерство Народного Просвещения. Говоря на современном политологическом сленге, это был несомненный «тяжеловес». Но многолетнее пребывание графа Дмитрия Толстого в правительственной элите прежде всего объясняется его блестящими администраторскими способностями, которые угадывались ещё в родовитом лицейсте-царскосельце — кстати, царскосельцем был и предшественник Толстого на посту министра Народного Просвещения, Александр Васильевич Головин. Закономерно, что министрами Просвещения становились питомцы учреждения, символизировавшего высшие достижения российского Просвещения. Примечательно и то, что именно при министре Толстом в 1869 году была учреждена должность инспекторов народных училищ, ведших надзор за начальными учебными заведениями. Эта должность хорошо известна многим из нас по истории семьи Ульяновых; действительно, инспекторы народных училищ зачастую были самыми последовательными и активными проводниками и практиками Просвещения в необъятной и многонациональной Российской империи. И Д.А. Толстого, и его соратника и преемника И.Д. Делянова называли «одними из реакционнейших политических деятелей России». Это справедливая оценка, но её никак нельзя считать приговором. Закономерными этапами развития государства являются и эпохи перемен, и годы реакции. И для того, и для другого явления требуются талантливые политики, одарённые администраторы — проводники своих принципов.

Между правлением Толстого и Делянова в Министерстве Народного Просвещения

сменилось две администрации. Но пребывание А.А. Сабурова и А.П. Николаи на министерском посту было краткосрочным. Эпоха Толстого и Делянова продолжалась. В 1882 году Иван Давыдович (Ованес Давидович) Делянов стал министром Народного Просвещения по рекомендации К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова — и возглавлял это ведомство двенадцать лет. И.Д. Делянов был армянином, приверженным, однако, не Армяно-григорианской, а Русской православной церкви. К тому времени дружба России и Армении, добровольно вошедшей в состав Российской империи, была проверена веками. В Армении чтят память о русских солдатах-освободителях, павших в войнах за свободу братьев-христиан в XVIII — нач. XIX в. — в России воспринимали как родную архитектуру армянских соборов, влившуюся в традицию русской архитектуры с незапамятных времён. В.И. Ленин справедливо подчёркивал, что самыми преданными слугами империи являются патриотически настроенные представители национальных меньшинств — из числа тех, кто чувствует свою силу в империи и личную благодарность империи. Можно предположить, что человеком подобных правил был и Иван Делянов, входящий в число самых прославленных армян на российской и советской службе — вместе с Лазаревыми и Лорис-Меликовым, братьями Орбели и Тевосяном, Микояном и Баграмяном... Испытанная тысячелетиями стойкость седого Кавказа пригодилась России. Да иначе и не могло быть в великой многонациональной державе. Делянов не был новичком в управлении образованием. Он долгие годы работал в министерстве и успел хорошо изучить специфику этого неблагодарного труда. Ставленник Толстого и Победоносцева, Делянов проводил крайне консервативную политику. Делянов стремился увеличить роль церкви в начальном образовании — и это ему удалось, когда был принят закон о передаче церковно-приходских школ и школ грамотности в ведение Синода. Министр Просвещения не мыслил своей работы вне работы Синода. Просвещение понималось Деляновым во многом в церковном смысле этого слова — так, как употребляли его в связи с сочинениями Иосифа Волоцкого. Солдат империи, Делянов расширял роль русского языка в Прибалтике и иных некоренных землях, сделав русский язык обязательным для всех учебных заведений Российской империи, включая протестантские школы. Не верил Делянов и в благотворность университетской автономии. Не верил и, по существу, уничтожил её своим жёстким университетским уставом. Строгость нравов Делянова проявилась и в регламентации поведения студентов, за которыми теперь следили не только в университете, но и за его пределами. Студенчество, как социальная сила, в те времена, несомненно, представляла угрозу для любого идеологического противника. Опиравшаяся на прогрессивную молодёжь либеральная журналистика успешно выполняла функции своеобразной *либеральной жандармерии*, заставляя порой трепетать от страха И. С. Тургенева и И. А. Гончарова. Трудно в нашей литературе найти шедевр, который не был бы освистан этой публикой. Роман «Преступление и наказание», например, был заклеимён как «клевета на нашу молодёжь». Что уж говорить о патриархальных и государственных ценностях, которые отстаивали Победоносцев, Дм. Толстой и Делянов... От их «сервизма»* молодёжь не оставляла и камня на камне. Консерваторам приходилось обороняться, и, надо признать, они делали это весьма неуклюже. «Журнал Министерства Народного Просвещения» должен был противостоять либеральной журналистике, вести с ней идеологическую войну с позиций силы государства. К этому вёл свой подведомственный журнал Иван Делянов. Министр-долгожитель, ставший колоритной фигурой России последней трети правления Александра II и правления его преемника и сына, Александра III. Судьба последователя Делянова — министра Боголепова — лучше всего показывает, какие жестокие наступали времена для российского студенчества, для учёных и администраторов образования. Война идей переходила в уличный террор. При этом можно с удовлетворением заметить, что высокий градус политического противостояния почти не сказывался на содержании Журнала. Ни Георгиевский, ни его преемники не вели разнузданной пропаганды, показывая деятельность Министерства лишь в публикациях документов. В этом можно увидеть установку на объективизм, делающую честь и редакторам Журнала, и министрам. В данном случае действовало золотое правило: жандармерия — отдельно, а журналистика — отдельно. Журнал же был отчётливо ориентирован на научно-популярный жанр, преподносившийся,

разумеется, в духе политической благонамеренности.

* Сервиллизм — раболепная преданность старым традициям.

Александр II, с таким рвением принявшийся за переустройство российской жизни после Крымской войны, в последние годы своего царствования терял интерес к политической жизни, всё чаще пребывая в меланхолии, как и положено было любимому ученику Василия Андреевича Жуковского. В этом смысле он повторил судьбу своего дяди, Александра I, своим равнодушием к суете мира сего породившего множество легенд. Всё большее значение в политической жизни России приобретал брат Александра Николаевича — Константин Николаевич, председатель Госсовета. Именно от него исходила теперь законодательная инициатива, что и было отражено на страницах журнала. Именно он принимал самое активное участие и в жизни Министерства, и в жизни Журнала как высочайшая особа.

3

В годы службы редактора А.И. Георгиевского Журнал состоял из четырёх частей: обширнейшая рубрика «Правительственные распоряжения» включала публикацию Высочайших повелений, приказов и наград, а также разноуровневых распоряжений Министерства Народного Просвещения. Существовал и влиятельный «Отдел педагогики и наук» (позже отдел педагогики отделили от отдела наук, и отдел наук педагогики шёл в Журнале после научного отдела), в котором публиковались научные и популярные статьи и доклады. В наследство от эпохи Ушинского остался широко представленный в журнале отдел «Критики и библиографии». Завершался Журнал рубрикой «Современная летопись», в которой были представлены злободневные публикации разных жанров, от речей министра Д. А. Толстого до статей о состоянии народного просвещения в разных странах мира. Беглый взгляд на традиционную структуру Журнала позволяет предположить бросающуюся в глаза *официозность*, характерную для министерского, правительственного издания. Действительно, популярные журналы того времени уже не были обязаны отводить львиную долю своих полос публикации сухой и не всегда согласованной с профилем данного издания законодательской литературы. Но ведь именно такой Журнал был не только полезен, но и необходим! Ведь он был адресован работникам образования, которые, благодаря журналу, получали оперативную информацию о жизни государства, своих правах и обязанностях и о жизни Министерства, которая освещалась с особой подробностью. И подчеркнём ещё раз: журнал, предназначенный для пропаганды политики Министерства Народного Просвещения, проводил эту пропаганду с достаточной деликатностью, не превращаясь, в отличие от многих современных проправительственных изданий, в «агитационный листок».

Александр Иванович Георгиевский (1830—1911) прожил долгую жизнь, в которой было немало служебных и научных достижений. По происхождению — дворянин Московской губернии, он получил известность, работая на юге страны, в Одессе. В знаменитой Ришельевской гимназии он становится профессором всеобщей истории и статистики. Как благонамеренный и подающий надежды молодой учёный и общественный деятель, он принимает активное участие в издании сборников еврейской литературы «Сион» и «Рассвет», выходящих в Одессе — культурном центре Новороссии. В 1862–66 годы он заведует отделом внешней политики в уважаемых «Московских ведомостях», становится признанным журналистом, отличается и организаторскими способностями, и умением нравиться начальству, слыть необходимым сотрудником. Именно в те годы в России появилось характерное словечко «службист», определявшее людей, преданных и своему делу, и своей карьере, хладнокровных, педантичных, уверенно поднимающихся по служебной лестнице. Не забывал он и о научных исследованиях. Признанием укрепляющегося авторитета Георгиевского в 1866 году стало предложение переехать в Санкт-Петербург и возглавить «Журнал Министерства Народного Просвещения». От такого предложения амбициозный и болевший за судьбы российской науки сотрудник «Московских ведомостей» не мог отказаться... Четыре года, с 1866-го по 1870-й, он возглавлял наш журнал. И оставил редакторское кресло ради новых администра-

тивных вершин, ведь Александр Иванович Георгиевский был одним из ближайших соратников министров Толстого и Делянова... Он занимается центральным проектом толстовского министерства — введением классической системы в средней школе (так называемый *толстовский классицизм*), являясь членом учёного комитета Министерства. О том, какие деликатные поручения выполнял Георгиевский, говорит и составленная им секретная записка «О беспорядках в высших учебных заведениях», получившая ход. В 1896 году Александр Иванович Георгиевский становится действительным статским советником, в 1901 году — сенатором. Менялись министры и правительства, но он оставался одним из столпов российского Просвещения. То, что А.И. Георгиевский не был случайным человеком в нашей науке, подтверждает и судьба его сына Льва, продолжившего отцовские традиции. Л.А. Георгиевский был директором Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе, сенатором, членом Государственного совета.

При Георгиевском Журнал был оплотом классического образования. Главными были публикации из всеобщей истории, в особенности — из истории классической античности. Вместо пропагандировавшейся Ушинским «актуальной педагогики» — трактаты о Греции и Риме, о странах Востока. Между ними попадалось немало весьма талантливой и капитальной культурологии. Несомненно, такие публикации поднимали уровень российского учительства, приближали практику школьной жизни к научной теоретической основе. При Георгиевском в Журнале публиковались работы великих учёных историка Сергея Михайловича Соловьёва («Прогресс и религия») и филолога, историка литературы Алексея Николаевича Веселовского («Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» и др.), становившиеся событиями в культурной жизни России. Эти учёные, ставшие основоположниками научных школ, отдавали в «Журнал Министерства Народного Просвещения» отнюдь не второстепенные свои работы. Особенно это касается статьи Веселовского, ныне считающейся классической в наследии крупнейшего разработчика сравнительного литературоведения. В 1870 году Веселовский опубликовал в Журнале и свою программную статью — «О методе и задачах истории литературы как науки», не потерявшую научной актуальности и в наше время. Не секрет, что и сейчас многие люди судят о нашем журнале как о журнале, в котором печатались Веселовский и Соловьёвы. Такое определение мне приходилось слышать и от наших соотечественников, и от зарубежных славистов. Действительно, после публикаций классических идеологом автора теории официальной народности и министра народного просвещения Уварова в нашем журнале не было более громких явлений. Такая достойная репутация министерского издания закладывалась при редакторе Георгиевском. После Георгиевского одиннадцать лет бразды правления Журналом держал Е.М. Феоктистов, в будущем (с 1883 года) — начальник Главного управления по делам печати, а до назначения редактором «Журнала Министерства Народного Просвещения» — уже известный учёный-популяризатор, автор работы о Магницком. Феоктистова сменил Л.Н. Майков, редактировавший Журнал в 1883–1890 годах. Брат известного (в том числе — и своей подчёркнутой благонамеренностью) поэта Аполлона Майкова, он был выходцем из семьи, с XVIII века трудившейся на литературной ниве. Сам Л.Н. Майков был замечательным историком литературы, изучавшим и древнерусскую словесность, и фольклор, а также написавший не потерявший значения труд о жизни и творчестве поэта К.Н. Батюшкова. Труды Л.Н. Майкова и собранные им фольклорные сборники переиздаются и в наше время. А к рубежам XIX века Журнал пришёл с новым редактором — Василием Григорьевичем Васильевским. Об этом крупном учёном — одном из китов Санкт-Петербургского университета — мы подробнее расскажем в другой раз...

Журнал был ориентирован на реалии классического образования. Проблемы изучения латыни, греческого и античной истории были в центре многих капитальных работ, библиографических статей и рецензий, публиковавшихся на страницах журнала. Пропаганда «толстовского классицизма» всколыхнула научную мысль русских античников, сделало её доступной для читателей. В этой области выделялись работы В. Васильевского, Ф.Ф. Соколова, П. Тихоновича, Н.М. Благовещенского (последний опубликовал в Журнале интересную статью «Сатиры Персия» (1870 год)).

В 1868 году в 140-й части (номере) Журнала была опубликована статья Н. Бунге «Джон Стюарт Милль как экономист». Николай Христианович Бунге (1823–1895) в то время участвовал в Финансовой комиссии, разрабатывавшей проект крестьянской реформы, преподавал финансовое дело и политэкономии наследнику, великому князю Николаю Александровичу. Позже этот профессор и ректор Киевского университета стал товарищем министра (1880), а вскоре и министром финансов (1881). На этом посту Н.Х. Бунге работал до 1887 года, когда он был на долгие десять лет назначен председателем Комитета министров. Академик (с 1890 года) Бунге был одним из крупнейших политических деятелей России своего времени, как теоретик и практик, он во многом стал вдохновителем реформ Вышнеградского, Витте и Столыпина. Уже в шестидесятые годы, ещё не достигнув административных высот, он был авторитетным учёным-экономистом, и публикация его статьи в «Журнале Министерства Народного Просвещения» не могла пройти незамеченной. Работа Н.Х. Бунге о Джоне Милле получила европейскую известность, укрепила позиции будущего «правительственного волка». Показательная история: при редакторе Георгиевском наш журнал стал трибуной будущих и настоящих министров, журналом влиятельной элиты. Этот статус был приобретён и в связи с пребыванием на посту министра Народного Просвещения Толстого и Делянова — не просто политиков, но вождей целого направления в российской политике.

В сфере внимания авторов Журнала была и судьба самого загадочного классического произведения русской литературы — «Слова о полку Игореве». Каждая новая работа о «Слове...», каждый новый перевод этого произведения — всё попадало на страницы Журнала. Скажем, в 1870 году весьма оперативно в журнальной книжке появилась дельная рецензия Н.А. Лавровского «О новом чешском переводе «Слова о полку Игореве». Обретение древнего поэтического эпоса было для России XIX века залогом государственного и культурного суверенитета, а международное признание «Слова...» особенно заботило и министра Просвещения, и редактора Журнала. В этой программе совмещались и политические виды на всеславянское единение, и преодоление гимназических «комплексов» недооценки родной культуры.

На страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения» выступал и историк А.Г. Брикнер — автор масштабного труда о правлении Екатерины Великой и первый (а до недавнего времени — и единственный в России) жизнеописатель Г.А. Потёмкина — князя Таврического, фельдмаршала и дипломата, первейшего политика из плеяды екатерининских орлов. В 1870 году Брикнер предложил отделу педагогики свою пространную статью об исторических семинариях при университетах Германии. Вообще наш журнал не забывал о педагогической жизни Европы и мира, показывая российскому читателю её своеобразие, раскрывая её опыт. И оказывалось, что знание европейской ситуации не перечёркивает собственный опыт. Вечно неразрешимый вопрос: можно ли дружить со всем миром без угроз для собственного государственного и культурного суверенитета? — на заре 1870-х не был ещё убийственным.

Одним из знаковых авторов Журнала стал в семидесятых годах и Иван Владимирович Цветаев — замечательный русский учёный и просветитель, основатель Музея Изыщных искусств (нынешний Государственный музей изобразительного искусства имени А.С. Пушкина). Появление Ивана Цветаева в нашем журнале, в контексте истории русского просветительства, было закономерным. Задача, к решению которой учёный шёл всю свою жизнь, была педагогической: он стремился донести до наших соотечественников представление о разных этапах истории мировой культуры. Он стремился к наглядности, к театральной организованности своеобразных уроков культурологии. Думаю, что арсенал приёмов, разработанных И.В. Цветаевым, необходимо взять на вооружение и нашим учителям. Журнал не случайно предоставлял свою кафедру этому подвижнику.

В 1877 году в Журнале была напечатана статья Владимира Сергеевича Соловьёва «Философские начала цельного знания». Тремя годами ранее он дебютировал в нашем журнале, в отделе наук, статьёй «О философских трудах П.Д. Юркевича». Сын великого историка, также публиковавшегося в Журнале, В.С. Соловьёв и по сей день остаётся крупнейшим отечест-

венным философом, воплотившим свой духовный опыт в сотнях страниц трудов. Обретение такого автора — событие в истории любого журнала. Дебют В.С. Соловьёва в «Журнале Министерства Народного Просвещения» получился ярким: первая публикация — и серьёзное исследование, получившее немалый резонанс. А статья «Философские начала цельного знания» и вовсе была признанным шедевром, оставаясь и ныне одной из самых важных публикаций Журнала за всю его двухсотлетнюю историю.

Журнал стремился давать представление об истории и современном положении разных стран и народов; в сферу интересов авторов Журнала попадали не только просветительские сюжеты, но и краеведение, этнография. Скажем, в 1878 году рядом со статьёй Владимира Соловьёва публикуются записки Ал. Цагарели «Из поездки в Закавказский край летом 1877 года», в которых представлен обзор одной из отдалённых и загадочных для многих читателей местностей Российской империи. В той же журнальной книжке — рецензия на работы профессора Гревингга по исследованию первобытных древностей Прибалтийского края и статья «О древней культуре западных финнов по данным их языка». Все эти публикации знакомят читателя с разными краями огромной страны, с культурой и бытом народов, населявших тогдашнюю Россию. Множество подобных публикаций говорит о том, что здесь мы имеем дело с осмысленной политикой — и политикой благоразумной, поучительной. Гоголевская мечта «проездиться по России» как будто находит воплощение в этих статьях-путешествиях с их ненавязчивой дидактикой.

В отделе «Современная летопись» публиковались разнородные материалы, объединённые широко понимаемой актуальностью. Так, в одном из выпусков 1874 года в «Современной летописи» статья П. Мар- тынова «Село Мишенское, родина В.А. Жуковского» соседствует с информационной заметкой «Открытие учительской семинарии в Пскове». Отношение к Василию Андреевичу Жуковскому в кругах, близких к Журналу, вообще было самым восторженным. Именно он олицетворял в то время образ национального гения, великого поэта, чей вклад в просвещение России почитался огромным. Так было в 1870-е годы; к 1890-м годам образ Жуковского был в значительной степени заслонён образом А.С. Пушкина. Но Жуковский-просветитель (учитель царя, переводчик и пропагандист шедевров мировой литературы и т.п.) оставался ключевой фигурой хрестоматийной школьной русской литературы. Интересовал он и исследователей, и преподавателей, но этот интерес постепенно ослабевал, чтобы окончательно угаснуть в 1917–20 годах, а позже, с 1940-х годов, возродиться в редуцированной форме, в тени пушкинского феномена.